

ИННОВАТИЗАЦИЯ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДИКТАТУРЫ И ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕМОКРАТИИ В РОССИИ

THE INNOVATIZATION OF INTERACTION BETWEEN ECONOMIC DICTATORSHIP AND ECONOMIC DEMOCRACY IN RUSSIA

МИСБАХ И.А., экономист-аналитик

НУРМУХАМЕТОВ Р.Р., аспирант Университета управления «ТИСБИ»

Тел.: +7(904)669-79-53

E-mail: rasl-777@list.ru

MISBAKH I., an economist

NURMUKHAMETOV R., a post-graduate student, the University of Management «TISBI»

Tel.: +7(904)669-79-53

E-mail: rasl-777@list.ru

Аннотация

В статье исследуются процессы инновационного взаимодействия экономической диктатуры и экономической демократии в России.

Abstract

The article deals with the processes of innovative interaction between economic dictatorship and economic democracy.

Ключевые слова: *экономическая диктатура, экономическая демократия, инновационное взаимодействие.*

Key words: *economic dictatorship, economic democracy, innovative interaction.*

Архитекторы постсоветского российского капитализма взамен экономической диктатуры верхушки советской партийно-хозяйственной бюрократии создали экономическую диктатуру финансовой олигархии, которая, взвинтив степень эксплуатации до небывалых размеров, опустила большинство трудящихся россиян ниже черты нищеты. Об этом говорят следующие цифры и факты. В докладе лидера коммунистов Г.А. Зюганова на октябрьском 2012 г. пленуме ЦК КПРФ находим: 0,2% россиян владеют 70% национального богатства страны, а 60% трудящихся получают зарплату до 10 тыс. руб. в месяц. 26 октября 2012 г. радио «Татарстан» в утреннем выпуске новостей устами тогдашнего генерального директора предприятия «Нижекамскнефтехим» Бусыгина сообщило: предприятие за год реализовало продукции на 20 млрд. руб. и прибыли получило 15 млрд. руб. Получается, что издержки производства составили 5 млрд. руб. и заработная плата у них могла составить не более 1 млрд. руб. Выходит, что доля

заработной платы во вновь созданной стоимости или, что тоже, в добавленной стоимости составляет $1/16$, а прибыль - $15/16$. В переводе на общепонятный экономический язык это означает, что каждый работник в среднем из своего 8-часового рабочего дня лишь полчаса трудился на зарплату, а 7,5 ч на прибыль хозяев предприятия. Такое или приблизительно такое соотношение характерно для всех крупных предприятий России. Лидер независимых профсоюзов России Михаил Шмаков в одном из своих выступлений по Радио России в ноябре 2012 г. сообщил: Минюст России разработал нормативы расхода продуктов питания для заключенных из расчета 300 руб. в сутки. Выходит, что в месяц на питание одного заключенного расходуется 9 тыс. руб. Если эту цифру положить в основу расчета величины реального прожиточного минимума законопослушного россиянина, то он составит никак не меньше 12 тыс. руб. Эта черта нищеты, ниже которой находятся все вышеназванные 60% трудящихся россиян. Предположим, что заработная плата, составляющая $1/16$ добавленной стоимости, увеличилась в 8 раз и составила $8/16$, прибыль при этом уменьшится с $15/16$ до $8/16$. Отсюда видно, что Государственная Дума ни в каком-то отдаленном будущем, а уже сегодня могла бы увеличить минимальный размер оплаты труда пусть не в 8 раз, а хотя бы до реального прожиточного минимума, который составляет 12 тыс. руб. Но она не делает этого, потому что это было бы посягательством на прибыль финансовой олигархии. Поэтому МРОТ поныне составляет менее 6 тыс. руб., т.е. менее половины реального прожиточного минимума. В таких условиях рабочая сила воспроизводится не иначе как с понижающей тенденцией, т.е. деградирует. Поэтому и в производственной, и в непроизводственной сферах по всей России нарастает дефицит квалифицированной и высококвалифицированной рабочей силы. Таким образом, финансовая олигархия ради получения сверхприбылей сокращает платежеспособный спрос населения, а значит, емкость внутреннего рынка, и тормозит технический прогресс и инноватизацию национальной экономики, то есть создание, накопление, сохранение, использование и развитие ее инновационного потенциала [1, с. 2]. Но этим самым она рубит сук, на котором сидит, ибо сокращение емкости внутреннего рынка – это сокращение не только традиционной сферы, но и инновационной сферы производства, а их сокращение – есть падение прибылей. Повышение заработных плат не на проценты, а многократно, как и занятости трудоспособного населения, – вот прямой путь к увеличению платежеспособного спроса и емкости внутреннего рынка. Возражения против повышения заработной платы несостоятельны и не выдерживают критики, они имеют целью защитить и сохранить существующую сверхэксплуатацию. Дело вовсе не в относительно низкой производительности труда и не в опасности инфляции, а в том, что при увеличении доли заработной платы с $1/16$ добавленной стоимости до $8/16$ уменьшается прибыль с $15/16$ до $8/16$. И никакой инфляции не может быть, если увеличение заработной платы сопровождается увеличением производства предметов потребления, то есть

роста производства второго подразделения. Отраслевую структуру производства следует обновлять, инноватизировать в соответствии с изменением структуры платежеспособного спроса. Как известно, увеличение производства на основе инноватизации во втором подразделении не бывает без увеличения и инноватизации производства средств производства для него, а это значит, что из-за увеличения на основе инноватизации производства в первом подразделении растет в целом емкость внутреннего рынка. Соответственно, растет и общая масса прибыли. Следовательно, ради получения большей массы прибыли завтра сегодня есть смысл урезать сверхвысокую норму прибыли. Обеспечение полной занятости трудоспособного населения – это не только создание достаточного количества высокотехнологичных рабочих мест, но и создание широкой сети учебных центров по всей стране, финансируемых из бюджета для подготовки достаточного количества кадров, способных занять данные рабочие места. Пока же этого нет, поэтому в России растет инновационная технологическая безработица. С одной стороны, растет число пустующих высокотехнологичных рабочих мест, а с другой - растет численность безработных, неспособных занять эти рабочие места. Мероприятия по повышению заработных плат и уменьшению численности безработных означают повышение жизненного уровня трудящихся масс, а потому выглядят как демократизация экономики, хотя таковой не являются. И во всех странах, где они осуществлялись, они сопровождались интенсивной социальной демагогией в СМИ и в околонулевой литературе о том, что якобы рождается общество всеобщего благоденствия, общество потребления и т.п. Но так как эти мероприятия в конечном итоге приводили к повышению массы и нормы прибыли, то очевидно, что как раз это и было их истинной целью. Однако такие мероприятия, ограничивающие экономическую диктатуру финансовой олигархии, давно осуществленные в развитых капиталистических странах и осуществить которые рано или поздно будет вынуждена Россия, не избавляют капитализм от цикличности инноватизации общественного воспроизводства, от экономических кризисов. Так, едва оправившись от кризиса 2008-2009 гг., мировая экономика уже в 2013 г. неумолимо сползает в новый кризис, увлекая за собой, как и в прошлый раз, экономику России. Давно замечено, что каждый раз при наступлении очередного экономического кризиса на Западе происходит всплеск интереса к марксистско-ленинской экономической теории и к опыту Советского Союза по бескризисному воспроизводству. В некоторых странах даже были сделаны попытки индикативного планирования экономики и капиталистического программирования, однако они не дали желаемых результатов: кризисы как происходили, так и происходят. Бескризисное воспроизводство, как показал исторический опыт, возможно лишь при директивном планировании экономики. Теоретически на возможность директивного планирования экономики в условиях государственно-монополистического капитализма Ленин указывал задолго до того, как оно было практически применено в фашистской Германии. Широко

распространенное мнение о том, что директивное планирование экономики является исключительным свойством социализма и невозможно в условиях государственно-монополистического капитализма, следует считать ошибочным. Это мнение закрывает глаза на факт применения директивного планирования экономики в фашистской Германии и основано на неведении различия между планомерностью капиталистической и планомерностью социалистической. Планомерность капиталистическая – есть сознательное поддержание воспроизводственных пропорций, свойственных капиталистическому способу производства, открытых и описанных Марксом во втором томе «Капитала». Планомерность же социалистическая – есть сознательное поддержание совершенно новых воспроизводственных пропорций, присущих социалистическому способу производства и обусловленных всеобщностью труда (смотрите Мисбах И.А. Живой и мертвый фонд в СССР. - Казань: Изд-во «Дом печати», 2003). Едва ли кто станет отрицать, что в фашистской Германии при всей тамошней псевдосоциалистической риторике имела место экономическая диктатура финансовых олигархов Крупова, Диссенова, Шахтова и др. И при всем том осуществлялось директивное планирование экономики и планомерность имела капиталистический характер. В те же годы в Советском Союзе директивное планирование экономики осуществлялось экономической диктатурой сталинского политбюро, и хотя из признаков социализма в наличии был лишь один – всеобщность труда, этого оказалось достаточно для того, чтобы планомерность имела социалистический характер, а именно: весь прибавочный продукт шел в накопление.

Классическое ленинское определение сущности социалистической экономики гласит: социализм есть государственно-капиталистическая монополия, обращенная на пользу всего народа и постольку переставшая быть капиталистической монополией. В Советском Союзе государственно-капиталистическая монополия была, но обращение ее на пользу всего народа, едва начавшись со всеобщности труда, так и не получило своего продолжения и завершения. За исключением всеобщности труда советская экономика до самого конца сохраняла все основные признаки государственного капитализма. Особенно отчетливо они проявлялись в отношениях между предприятием и гражданином: предприятие могло принять или не принять на работу гражданина, то есть выступало как покупатель товара рабочая сила, а гражданин как продавец своей рабочей силы. Цена этой сделки - заработная плата плюс общественные фонды потребления. Всеобщность труда, выраженную юридическими категориями «право на труд» и «обязанность трудиться», советское государство обеспечивало созданием достаточного количества рабочих мест, однако цену рабочей силы оно удерживало до самого конца ниже стоимости рабочей силы. Так, например, в первой половине 1970-х гг. в объединении «Татнефть» заработная плата персонала составляла 1/18 себестоимости продукции. Эту цифру мы в свое время вычислили по данным справочников ВНИИ ОЭНГ для служебного пользования, поэтому она до сих пор не

публиковалась. Или другой пример. Во второй половине 1980-х гг. норма прибавочного продукта в целом по стране превышала 265% (см.: Мизбах И.А. Указ. соч., гл. 6). В Советском Союзе основной экономический закон социализма - наиболее полное удовлетворение потребностей каждого члена общества - никогда не был ведущим звеном народно-хозяйственного плана, а трудящиеся массы не имели возможности непосредственно влиять на формирование структуры общественного производства. Выбор ведущего звена народно-хозяйственного плана всегда делался на самом верху пирамиды советской партийно-хозяйственной бюрократии. Затем от него разрабатывались контрольные цифры развития народного хозяйства, на партийном съезде устраивалась профанация обсуждения этих контрольных цифр и принятия решения, на сессии Верховного Совета СССР депутаты единогласно и также формально принимали закон о народно-хозяйственном плане. Далее в полном соответствии с этим законом предприятиям через соответствующие министерства и ведомства доводились плановые задания, отпускались финансовые и материальные ресурсы. Так, за внешней видимостью якобы социалистической демократии, именовавшейся демократическим централизмом в управлении народным хозяйством, скрывалась сущность экономической диктатуры верхушки советской партийно-хозяйственной бюрократии. Очевидно, что пока основной экономический закон социализма не закреплен законодательно в качестве ведущего звена всех народно-хозяйственных планов, то есть пока выбор ведущего звена народно-хозяйственного плана остается прерогативой экономической диктатуры будь то верхушки советской партийно-хозяйственной бюрократии или экономической диктатуры финансовой олигархии, скажем, фашистской Германии, директивное планирование не является демократизацией экономики, оно является лишь приближением к той черте, за которой начинается реальная демократизация экономики, но таким приближением, при котором, наконец, впервые появляется возможность упразднения цикличности капиталистического воспроизводства, упразднения экономических кризисов. Два вывода из вышесказанного исследования подчеркнем здесь особо:

1. Директивное планирование есть инструмент для планомерности, то есть для сознательного поддержания воспроизводственных пропорций.

2. План и рынок не исключают одного и другого. Но план должен всецело учитывать требования рынка, то есть требования закона стоимости как регулятора общественного производства, проявляющегося в воспроизводственных пропорциях, присущих данному конкретному способу производства. Кстати, систематическое игнорирование этих требований в постнэповском Советском Союзе привело к накоплению мертвого фонда, который поглотил все преимущества советской экономики и привел ее к краху. В современном капиталистическом мире нет примера бескризисного воспроизводства, достойного подражания для России. Поэтому остается обратить серьезное внимание на свое советское прошлое. А оно таково: за годы Советской власти не было ни одного экономического кризиса, а доля

Советского Союза в мировом промышленном производстве увеличилась с менее чем 3% в 1913 г. – это наивысший расцвет российской промышленности в условиях царизма - до 20% в 1987 г. И это при том, что оно дважды в значительной мере разрушалось войнами. Разрушенная Первой мировой и гражданской войнами экономика России была восстановлена до уровня 1913 г. уже в 1926 г., а разрушенное Великой Отечественной войной народное хозяйство СССР было восстановлено до уровня 1940 г. уже в 1949 г. Никакая критика советской плановой системы, советской командной экономики не может перевесить этих фактов, они убедительно свидетельствуют о преимуществах и эффективности директивного планирования экономики. Во второй половине XX в. и поныне в капиталистическом мире экономические кризисы становятся все более частыми и все более разрушительными, поэтому возрастает актуальность инноватизации современных капиталистических стран, то есть их перехода к директивному планированию своих национальных экономик. Россия, чья экономика за последние 20 лет отброшена далеко назад, должна первой среди капиталистических стран перейти к директивному планированию своей национальной экономики, чтобы не стать сырьевой колонией для транснациональных корпораций. Жесткая международная конкуренция поставила российский капитализм перед острой необходимостью в ускоренном темпе проделать те шаги по направлению к демократизации экономики и ограничению диктатуры финансовой олигархии, которые давно уже проделаны другими странами, и продвинуться в этом направлении дальше. Началом реальной демократизации экономики было бы принятие закона, дающего права всем налогоплательщикам (физическим лицам) установленную законом часть уплачиваемых ими налогов направлять на выбранные ими самими цели и таким образом участвовать в формировании структуры расходов бюджетов всех без изъятия уровней. Хотя этот закон, будь он принят в Советском Союзе, мог бы стать украшением социалистической демократии, он по сути своей является не социалистическим, а буржуазно-демократическим, ибо от власть имущих, а не от самих трудящихся зависит, допустить ли их к формированию структуры бюджетных инвестиций и в какой мере допустить. Между прочим, тот факт, что он не был принят в Советском Союзе, говорит о том, что в стране так называемого развитого социализма были осуществлены не все даже буржуазно-демократические преобразования, не говоря уже о социалистических. Он не затрагивает основ капиталистического строя, поэтому в XXI в. аналогичные законы могут быть приняты в капиталистических странах. И Россия могла бы стать первой в этом процессе инноватизации своей экономической системы среди них. Это путь роста прибылей на основе инноватизации современной экономики России не только класса капиталистов, но и благосостояния всего трудового народа России.

Литература:

1. Ведин Н.В. Постиндустриальная трансформация экономических систем: проблема теоретической реконструкции // Вестник «ТИСБИ». - 2013. - № 4. - С. 27-41.
2. Посталюк М.П. Инноватизация пространственных структур развития экономических систем // Проблемы современной экономики. – 2014. - № 3. - С. 34-38.
3. Жалбэ С.В. Инноватизация локальных экономических систем (на примере экономики Республики Татарстан) // Вопросы экономики социологии и права. – 2015. - № 2. - С. 33-35.
4. Вагизова В.И. Финансово-кредитное обеспечение инновационной деятельности как фактор развития региональной экономической системы (на примере Республики Татарстан) // Проблемы современной экономики. - 2009. - № 3. - С. 334-337.
5. Посталюк М.П. Традиционализация и инноватизация пространственных экономических систем: общее и особенное // Вестник экономики, социологии и права. – 2015. - № 2. - С. 79-84.
6. Мисбах И.А. Живой и мертвый фонд в СССР. - Казань: Изд-во «Дом печати», 2003. - 200 с.
7. Postaliuk M., Postaliuk T., Vagizova V. Implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems. Investment Management and Financial Innovations. - 2013. - № 4. - С. 88-94.
8. Посталюк М.П. Инновационные отношения в экономической системе (теоретико-методологический аспект): Дисс. ... д-ра экон. Наук. - Казань, 2006. - 321 с.

References:

1. Vedin N. The post-industrial transformation of economic systems: the problem of theoretical reconstruction // TISBI Bulletin. - 2013. - № 4. - P. 27-41.
2. Postalyuk M. Innovatization of spatial patterns of economic systems // Problems of Modern Economics. - 2014. - № 3. - P. 34-38.
3. Jalba S. Innovatization of local economic systems (on the example of the economy of the Republic of Tatarstan) // Problems of Economics Sociology and Law. - 2015. - № 2. - P. 33-35.
4. Vagizova V. Financial and credit support of innovation as a factor of a regional economic system (based on the example of the Republic of Tatarstan) // Problems of modern economy. - 2009. - № 3. - P. 334-337.
5. Postalyuk M. Traditionalization and innovatization of spatial and economic systems: general and specific // Bulletin of Economics, Sociology and Law. - 2015. - № 2. - P. 79-84.
6. Misbakh I. The Living and the Dead Fund in the USSR. - Kazan: Printing House, 2003. - 200 p.

7. Postalyuk M., Postalyuk T., Vagizova V. Implementation forms of institutional support for traditional and innovative development of national economic systems. Investment Management and Financial Innovations. - 2013. - T. 10. - № 4. - P. 88-94.

8. Postalyuk M. Innovative relations in the economic system (theoretical and methodological aspect). The thesis for the degree of Doctor of Economic Sciences. - Kazan, 2006. - 321 p.